Y1, C10: Очень много личных диалогов

Ремус откинулся на подушку, чтобы еще раз пересмотреть свои конспекты по Зельям, когда мадам Помфри открыла дверь в свой кабинет. "Мистер Люпин, профессор Квестус хочет вас видеть", - сказала она, - "и, очевидно, он не может подождать, пока ваше состояние улучшиться".

Ремус не хотел видеть профессора Квестуса.

"Вы уверены?" - спросил он. "Может быть, он ищет другого Ремуса Люпина, который случайно оказался в Больничном крыле".

"Я не думаю, что в Больничном крыле есть еще какие-то Ремусы Люпины".

"Вы проверили за шкафом?"

"Мистер Люпин. Если вы чувствуете себя слишком усталым, тогда я скажу ему, чтобы он ушел".

"Нет, все в порядке", - сказал Ремус. Он не хотел злить профессора Квестуса еще больше, чем он думал раньше. Слова Квестуса снова прозвучали в его голове с пугающей ясностью. Я не буду подбирать для вас слова... вам нужно быть менее чувствительным... не считайте все дискриминацией...

Ремус действительно не хотел видеть профессора Квестуса.

"Если вы уверены", - сказала мадам Помфри, впуская Квестуса. Квестус казался еще более ворчливым, чем обычно.

"Люпин", - сказал он.

"Добрый вечер, профессор", - неловко ответил Ремус.

Наступила пауза.

Буфо квакнул.

Это странно, подумал Ремус.

"Не могли бы вы оставить нас наедине, Помфри", - сказал Квестус, не сводя глаз с Ремуса.

"Зачем? Я хочу, чтобы вы знали, что Ремус - мой пациент, и я хотела бы убедиться, что он не перенапрягается..." В это время в Больничное крыло вошел мальчик с пузырьками, вытекающими из носа. "Ладно, я пойду. Будьте осторожны, мистер Люпин. Берегите ногу".

Ремус кивнул, когда мадам Помфри закрыла дверь. "Почему вы хотели меня видеть, профессор?" - тихо спросил он Квестуса.

"Ну, частично потому, что я хотел дать вам записи для завтрашнего урока", - ответил Квестус. "Честно говоря, вы выглядите ужасно. Не хочу, чтобы вы чувствовали себя обязанным прийти завтра утром на свой первый урок".

"Спасибо, сэр". Ремус осторожно взял записки и просмотрел аккуратный почерк. Он предположил, что Квестус написал их сам: Ремус вдруг почувствовал прилив вины за то, что

недолюбливал его. "Заклинания против проклятий? Мы с мадам Помфри как раз говорили об этом сегодня утром".

"Правда?"

"Да, Джеймс и Сириус сказали, что я проклял свой сундук, но на самом деле я его только закодовал... Неважно".

"Интересно, что ты - первокурсник - уже знаешь разницу между проклятием и заклинаниями, а тем более способен сам наложить колдовство", - сказал Квестус, выглядя смутно впечатленным.

"Не очень хорошо. Я знаю теорию, но на то, чтобы наложить заклинание, уходит слишком много времени".

"Ну, теория - это первый шаг", - сказал Квестус. "Магический потенциал придет со временем. Возможно, то есть. Никаких гарантий".

Возникла еще одна неловкая пауза. "Это... не единственная причина, по которой вы пришли сюда, не так ли?" спросил Ремус.

"Нет", - ответил Квестус, выглядя довольно зажатым. "Я хотел извиниться".

"Сэр?" Это было последнее, чего ожидал Ремус.

"Мне сказали... что я слишком быстро тебя осудил. Я был аврором, вы знаете, и я имел дело со многими Темными существами, такими как вы..."

Ремусу не нравится профессор Квестус.

"И, боюсь, я увидел то, что ожидал увидеть. Вы понимаете, после столкновения с Фенриром Грейбэком человек не склонен думать об оборотнях очень хорошо. Когда меня нанимали, я был полон решимости подготовить своих студентов к предстоящей войне, но Альбус Дамблдор предупредил меня, что отрывать первокурсников от занятий и читать им строгие лекции не всегда лучший подход... Тем не менее, я остаюсь при своем мнении: Я постараюсь сделать все возможное, чтобы относиться к вам как к любому другому студенту, хотя признаю, что у меня не все так хорошо, как я думал".

Ремус замер при упоминании о Фенрире Грейбеке и попытался отогнать неприятные воспоминания об окнах, разбитом стекле и крови. "Все в порядке, сэр. Я знаю, что это звучит ужасно, но, смею заметить, я уже привык к этому".

"Предположим, что это так. В будущем тебе придется привыкать к этому еще больше", - довольно резко сказал Квестус.

Ремусу не нравится профессор Квестуа.

"Раз уж я здесь, почему бы мне не повторить некоторые тонкости завтрашней лекции? Конспекты не помогут".

"Я бы очень хотел, сэр", - сказал Ремус. "Спасибо."

"Нет проблем. Начнем с самого начала. Что вы знаете об определении Темной магии?"

"Магия, направленная только на причинение вреда, с потенциально длительными последствиями".

"Прямая цитата из учебника по Защите. Теперь скажите это своими словами".

"Магия, которая... не может быть использована во благо. Иногда можно привести аргумент, что она находится применяется для лучших целей... но ее используют только для пыток, убийств и контроля. Темные проклятия обычно оставляют шрамы или не могут быть исцелены с помощью магии".

"Я полагаю, у вас достаточно опыта в этом?"

Ремусу не нравился профессор Квестус.

"А вы как думаете?" - язвительно спросил Ремус, указывая жестом на марлю.

"В точку. Темная магия в основном используется по трем основным причинам, которые вы упомянули выше. Термин был придуман в...".

Урок продолжался еще около пятнадцати минут. Квестус сделал еще несколько замечаний об оборотнях, от которых Ремусу стало не по себе. Однако в целом он был приятным и очень хорошем учителем. Ремусу не нравилось признавать это даже самому себе.

Но после того, как Квестус оставил Ремуса размышлять над событиями дня, отвлекаясь лишь на постоянное покалывание в левой руке, Ремус кое-что понял.

Да, профессор Квестус мог быть прямолинейным. Конечно, он был немного грубым и легкомысленным. Возможно, он был даже груб. Но к Ремусу никогда раньше не относились так - как к человеку, которого не нужно жалеть, как к студенту с такими же недостатками, как у всех остальных, как к человеку, у которого есть заболевание, которое не определяет его и не является запретным...

Ремусу нравится профессор Квестус.

Следующая ночь прошла в основном прошла без происшествий. Мадам Помфри нависала над Ремусом по несколько часов то тут, то там, и Ремусу было очень трудно заснуть. В основном, однако, он спал необычайно крепко для ночи после полнолуния. Обезболивающее зелье подействовало около часа ночи, и Ремус проснулся в холодном поту от колющей боли в правой ноге и от того, что мадам Помфри прижимала прохладную ткань к его лбу. Зелье, выращивающее кости было слегка болезненным, но это было нестрашно: он с этим легко справлялся.

На следующее утро он проснулся около девяти тридцати. Началась паника. "Мадам Помфри, я пропущу занятие по Защите!".

"Да, пропустишь. Ты пропустишь и остальные занятия сегодня. Ты никуда не пойдешь с больной ногой, молодой человек".

"Но... но я отстану от программы! Кто-нибудь заметит, что меня нет, и поймет, кто я такой!"

"Да, конечно", - сказала мадам Помфри. "Не знаю, как вы, но когда ученик отсутствует на

уроке, моя первая мысль - "он, должно быть, оборотень"! А что касается пропуска, то вы, похоже, далеко впереди своих однокурсников. Я уверена, что ты можешь позволить себе пропустить пару уроков".

"Сейчас вы можете так говорить", - сказал Ремус. "Но через несколько месяцев, когда я буду отсутствовать каждое полнолуние, я действительно упущу многое. Я буду двоечником, я просто знаю это. Пожалуйста, мадам Помфри... Я буду очень осторожен".

"Я думаю, будет более подозрительно, если ты придешь хромая, чем пропустишь день в школе", - сказала мадам Помфри. "Твоя нога заживает медленно, но верно, и к завтрашнему дню ты уже сможешь ходить. Отдыхай сегодня".

Ремусу захотелось закатить истерику, но он быстро решил не делать этого. В конце концов, ему было одиннадцать: практически взрослый человек. "Да, мадам Помфри", - сказал он немного грустно. "Я просто останусь здесь, буду крутить пальцами у висков и смотреть в потолок".

"Ты так и сделаешь", - сказала мадам Помфри. "О, следи за своей жабой и смотри, чтобы она не издавала лишних звуков. Студенты, занимающие главное отделение, будут в недоумении, услышав кваканье, доносящееся из моего кабинета". Мадам Помфри сморщила нос от отвращения и закрыла за собой дверь кабинета, оставив раздосадованного Ремуса одного.

Несколько часов спустя Ремусу удалось убедить мадам Помфри взять для него несколько книг в библиотеке. Он никогда не был в библиотеке Хогвартса, но мадам Помфри заверила его, что библиотека выглядит впечатляюще. Ремус читал до середины дня - именно тогда его глаза становились мутными от того, что он часами смотрел на крошечные черные линии на странице.

Он потратил час на обед, съев столько, сколько физически мог, пока мадам Помфри наблюдала за ним. Он провел час, слушая студентов, поступающих в главное отделение с различными странными травмами. Он провел час, наблюдая, как Буфо прыгает по его простыням. Он провел десять минут, уставившись в потолок. Он слово в слово заучивал конспекты по Защите, которые дал ему профессор Квестус.

Ему было скучно.

В четыре часа он написал еще одно письмо родителям.

Дорогие мама и папа,

В настоящее время я нахожусь в Больничном крыле. Я был здесь весь день вчера и весь день сегодня. К сожалению, я должен сообщить вам, что мне очень, очень скучно. Я не так уж сильно ранен, честно; просто мадам Помфри немного помешана на контроле. Не обижайтесь на нее - она была очень добра ко мне (хотя мне бы хотелось, чтобы она просто позволила мне уйти).

Честно говоря, я чувствую себя прекрасно. Профессор по защите дал мне вчера конспекты к сегодняшнему уроку (я его пропускаю, естественно), и я уже полностью их выучил. Я немного беспокоюсь о том, что отстаю в других занятиях, но, по крайней мере, в "Защите" у меня все схвачено.

Ничего не произошло, так что мне не о чем писать. Мадам Помфри принесла мне несколько

книг из библиотеки: одну про летучих мышей, одну про водные чары и одну про Геллерта Гриндельвальда. Я все еще работаю над Aguamenti. Моя палочка намного проще в использовании, чем твоя, папа, но мы еще не использовали её ни на одном из моих уроков. Думаю, сегодня мне этого не хватает.

Боль можно контролировать. Прошлой ночью я просыпался всего пару раз, и мне удалось проспать до девяти тридцати. Я очень хорошо ем здесь. Мадам Помфри говорит, что завтра смогу вернуться к занятиям.

Как Гаррисон? У Буфо все хорошо. Во время того, как я ем, он сидит на моем плече. Никто из тех, с кем я кушаю, не боится жаб. Думаю, мадам Помфри боится, но не говори ей, что я так сказал.

Мам, зачем ты рассказала мадам Помфри о том случае, когда я думал, что съеа мышь? Я мог бы рассказать ей множество постыдных историй о тебе, знаешь ли. Не забывай о том случае с мылом и Гаррисоном.

Я скучаю по вам обоим, но здесь очень весело. Даже в Больничном крыле довольно забавно. Я слышал, как сюда пришёл ребенок с колесами вместо ног. Он едва устоял на ногах и рухнул прямо на шкаф с зельями. Хорошо, что мадам Помфри так быстро обращается со своей палочкой, иначе это могло бы плохо кончиться.

Постарайся не волноваться и пиши мне, когда у тебя будет время. Я действительно чувствую себя хорошо.

С любовью,

Ремус.

Мадам Помфри открыла дверь, чтобы проведать Ремуса. Ее волосы были в полном беспорядке. "Вы хорошо себя чувствуете, мистер Люпин?"

"Да, мэм. Что случилось с вашими волосами?"

"Случайный удар током. Никогда не бывает скучных дней. Ты можешь пошевелить рукой?"

Ремус пошевелил пальцами на левой руке. "Кажется, все в порядке, мадам".

"Хорошо, хорошо. Я собираюсь сменить повязку на твоей ноге. Не двигайся". Ремус не шевелился, пока мадам Помфри снимала повязки, но он остановил ее, прежде чем она сменила их.

"Могу я посмотреть?" - спросил он.

"Я не думаю, что вы действительно этого хотите, мистер Люпин", - сказала мадам Помфри.

"Думаю, я буду в порядке, спасибо", - сухо сказал Ремус. "Я просто хочу посмотреть, что произошло - ну, знаете, чтобы понять, сколько времени потребуется на заживление".

Мадам Помфри неохотно согласилась, и Ремус посмотрел поверх одеяла на свою правую ногу. Это было ужасное зрелище - кровь и синяки, желтые, красные и синие пятна, но еще хуже было то, что Ремус увидел очень четкие очертания волчьих зубов.

"Даже не могу вспомнить, как я это сделал", - потрясенно сказал он. "Оборотни должны быть

довольно гибкими".

Мадам Помфри фыркнула и начала обматывать его ногу бинтами. Ремус впился отросшими ногтями в простыню и смог вздрогнуть лишь дважды. "Итак... ты обычно помнишь, что происходит в полнолуние?" - спросила она.

Неожиданный вопрос застал Ремуса врасплох, но он чувствовал, что обязан предоставить мадам Помфри как можно больше информации после всего, что она для него сделала. "Ну, да", - тихо ответил Ремус. Он ненавидел говорить об этом; возможно, это была худшая часть всего пережитого. Он мог терпеть боль и смущение, скуку, болезнь... но то, что он мог причинить кому-то боль, отвращение, вызванное тем, что он чувствовал в полнолуние, изменение его сознания... "Это не то, что я теряю сознание и просыпаюсь весь в крови. Это я в полнолуние... это просто... искаженная версия меня. Это самое худшее. Я могу вспомнить все свои доводы в пользу тех или иных поступков. Просто сейчас я бы никогда... не сделал этого".

Мадам Помфри закрыла глаза, и Ремус ожидал, что она отпрянет или испугается... "Это ужасно", - сказала она, к удивлению Ремуса. "Люди никогда не понимают, что мысли часто оставляют более глубокие шрамы, чем физическая боль, не так ли?"

Ремус улыбнулся, хотя ему хотелось плакать. "Все не так уж плохо", - сказал он. "Привыкнуть можно практически ко всему".

"Так... как долго...?"

"Шесть лет".

"Тебе было пять?"

"Да, почти".

Ремус ненавидел выражение жалости на лице мадам Помфри. Он отчаянно искал, что сказать, что угодно, лишь бы ей стало легче... "Правда. Это совсем не плохо", - сказал он, хотя так оно и было. "Я уже привык к этому", - сказал он, хотя иногда ему казалось, что это не так. "Звучит хуже, чем есть", - сказал он, хотя на самом деле это не так. "Мне не нужна жалость", - закончил он, и это было полной правдой.

Мадам Помфри немедленно раскаялась. "Конечно, не нужна, мистер Люпин", - сказала она. "А теперь отложите это письмо. Я хочу, чтобы вы хорошенько вздремнули до обеда. Примите это зелье для снятия боли в ноге - да, синее. Я разбужу тебя через полтора часа. И я не хочу, чтобы ты делал домашнее задание!".

"Да, мэм", - сказал Ремус, стукнув о кровать двумя пальцами. "Я даже не думаю о домашнем задании".

"Я буду держать тебя в курсе", - сказала мадам Помфри, выходя из комнаты. Ремус тут же закрыл глаза и приказал себе заснуть. Он постарался как можно лучше очистить голову от жалости, боли, крови и волков, хотя и знал, что задача невыполнима.

Ремус проснулся от звука слабых голосов в коридоре за пределами главной палаты. Один из них принадлежал мадам Помфри. Другой - профессора Дамблдора.

"Я полагаю, он не доставляет вам никаких проблем?" - спросил Дамблдор.

"О, он доставляет мне много хлопот. Самый упрямый мальчик, которого я когда-либо встречала", - с нежностью сказала мадам Помфри. "Вы знаете, он попросился на занятия, как только проснулся вчера утром?" Ремус понял, что они говорят о нем. Он смутно подумал, не невежливо ли подслушивать их разговоры, и тут же решил, что да, невежливо. Он продолжил слушать.

"Он кажется очень умным", - сказал Дамблдор, и Ремус почувствовал прилив гордости.

"Да, очень. Сегодня и вчера он весь день делал домашнее задание, когда не спал. Очевидно, ему удалось наложить на свой сундук несколько интересных заклинаний, из-за которых Поттер, Блэк и Петтигрю оказались в Больничном крыле, когда пытались шпионить".

Дамблдор сказал что-то, чего Ремус не смог разобрать - даже со своим слухом оборотня, - а затем наступила долгая пауза.

"Я ненавижу это", - сказала мадам Помфри, немного плаксиво. "Я подсчитала, знаете ли. Это было более семидесяти раз. Семьдесят! Возможно, даже восемьдесят. Можете себе представить?" Ремус почувствовал себя плохо, но мадам Помфри продолжала.

"Да, его раны заживают, но... но то, что он мне рассказывал...! Только вскользь; он не любит говорить об этом. Но он помнит все, что происходит в полнолуние, и превращение... Я не могу представить, как это больно, и я даже не могу дать ему зелья от этого... и вы бы видели, как он дрожал, когда мы шли к иве; он боится, и это понятно. Альбус, разве мы не можем что-нибудь сделать?"

Дамблдор сказал что-то еще, чего Ремус не смог разобрать. Будь проклят Дамблдор и его тихий, спокойный голос, подумал Ремус.

"Точно. Я действительна должна успокоиться. Он не любит, когда к нему испытывают жалость, вы знаете. Я очень стараюсь не показывать этого, как бы трудно это ни было. Он просто хочет быть нормальным, и, клянусь Мерлином, я сделаю все возможное, чтобы относиться к нему именно так".

Ремус закрыл глаза и умолял себя снова заснуть. Он не был уверен, что хочет слушать все это дальше. К счастью, ему очень хотелось спать, и он быстро погрузился в сон.

http://tl.rulate.ru/book/67209/1786710